

Купреянова Е. Н. Роман Л. Н. Толстого «Анна Каренина»: Из цикла лекций о Л. Н. Толстом. Тула: Облкнигоиздат, 1954. 40 с.

Купреянова Е.Н. Эстетика Л.Н. Толстого. М.–Л.: Наука, 1966. 324 с.

Маташева Д.Ю. Литературный роман как основа для экранизации на примере кинофильма «Анна Каренина» Джо Райта и Тома Стоппарда. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/literaturnyy-roman-kak-osnova-dlya-ekranizatsii-na-primere-kinofilma-anna-karenina-dzho-rayta-i-toma-stopparda> (дата обращения – 23.02.17 г.).

Stoppard T. Anna Karenina. URL: <http://screenplayexplorer.com/wp-content/screenplays/Anna-Karenina.pdf>.

Толстой Л.Н. Анна Каренина // Собрание сочинений в 12 т. Т.7. М.: Правда, 1984. 494 с.

Том Стоппард, специально для «Новой»: Я встал на пагубный путь переписывания Толстого. URL: <http://old.novayagazeta.ru/data/2013/021/23.html> (дата обращения – 18.09.2016 г.).

Эйхенбаум Б. М. Лев Толстой. Семидесятые годы. Л.: Сов. писатель, 1960. 295 с.

© Попова Д.А., 2017

Попова М.Ю. (Екатеринбург, УрГПУ)

И.П. Белкин и И А. Белкин: творческая дуэль А.С. Пушкина и О.И. Сенковского

Аннотация: Статья содержит в себе сопоставительный анализ прозаических произведений О.И. Сенковского и А.С. Пушкина. Автор статьи приходит к выводу о том, что, используя псевдоним «А. Белкин» и некоторые стилистические приемы из повестей А.С. Пушкина, О.И. Сенковский попытался создать впечатление близости собственных и пушкинских творческих принципов. Тем самым издатель «Библиотеки для чтения» стремился привлечь А.С. Пушкина к процессу создания массовой развлекательной литературы, однако потерпел неудачу.

Ключевые слова: А.С. Пушкин, О.И. Сенковский, «Повести покойного И.П. Белкина», «Потерянная для света повесть», массовая литература

Popova M. Yu. (Yekaterinburg, USPU)

I.P. Belkin and A. Belkin: a creative duel of A.S. Pushkin and O.I. Senkovsky

Abstract. The article contains a comparative analysis of prosaic works by O.I. Senkovsky and A.S. Pushkin. The author of the article comes to the conclusion that, using the pseudonym "A. Belkin" and some stylistic techniques of stories by A.S. Pushkin, O.I. Senkovsky tried to create an impression of the closeness of his own and Pushkin's creative principles. Thus, the publisher of the "Library for Reading" sought to attract A.S. Pushkin to the process of mass entertainment literatures creation, but failed.

Keywords: A.S. Pushkin, O.I. Senkovsky, "Tales by the Late I.P. Belkin", "The novel, lost to the world", mass literature.

В 1830-х годах в журнале «Библиотека для чтения», редактором которого был О.И. Сенковский, были опубликованы три повести («Потерянная для света повесть», «Турецкая цыганка», «Джулио»), подписанные псевдонимом «А. Белкин» (последняя подписана: «А. Белкин-А.Тимофеев»). Как известно, свои литературные произведения О.И. Сенковский подписывал псевдонимом «Барон Брамбеус». С какой целью в данном случае он использовал псевдоним, явно отсылающий читателя не только к произведениям А.С. Пушкина, но и к личности самого создателя «Повестей покойного И.П. Белкина», на что недвусмысленно указывает первый инициал? В псевдониме «А. Белкин» Сенковский фактически объединил двух литературных персонажей (покойного Ивана Петровича Белкина - обычного помещика, бесхитростного любителя записывать истории, услышанные от разных людей, и Издателя А. П.) с Александром Сергеевичем Пушкиным – биографическим автором белкинских повестей. Таким образом, можно предположить, что Сенковский подчеркнуто отождествил «писательскую» манеру вымышленного И.П. Белкина и А.С. Пушкина. Мы считаем принципиально важным разобраться в этом.

Для начала остановимся на пушкинском предисловии к «Повестям покойного И.П. Белкина» «От издателя». В нём читателю

предложено познакомиться с письмом ненарадковского помещика, знавшего Белкина лично. Автор письма – простодушный, наивный, не склонный к высоким материям человек. Он довольно рассеян: пишет, что получил 23-го числа от издателя письмо, отправленное ему 15-го, но в конце письма мы видим, что оно подписано 16-м числом. Сами рассуждения об И.П. Белкине как об авторе повестей и романов идут параллельно с рассказом о ключнице, заклеивающей окна страницами его же романа. Также указывает друг И.П. Белкина и на отсутствие воображения последнего: «... названия сел и деревень заимствованы из нашего околка, отчего и моя деревня где-то упомянута. Сие произошло не от злого какого-либо намерения, но единственно от недостатка воображения» [Пушкин 1978: 56-57]. Возникает заметный иронический эффект, благодаря чему образ Белкина снижается, опрощается, как и образ его соседа, через призму восприятия которого даётся характеристика собирателя повестей.

Читая предисловие «От издателя», мы понимаем, что данная часть «Повестей» не могла не привлечь О.И.Сенковского, а может быть, и больше всего заинтересовала писателя, поскольку она полностью вписывается в те требования, которые он сам предъявлял к литературному языку (простота, максимальная естественность), содержанию литературных произведений (в центре внимания быт с подробным перечислением обыденных событий и вещей, таких, например, как неумение И.П. Белкина управлять своим имением, характеристика способностей старой ключницы и т.д.). Наверняка, привлекла О.И. Сенковского и внешняя анекдотичность пушкинских «Повестей»: именно такие легкие, юмористические истории могли, по его мнению, заинтересовать, развлечь неискушенную публику.

О.И. Сенковский в данном случае не был исключением из общего правила: кажущаяся простота пушкинских повестей ввела в заблуждение многих авторитетных критиков. Так, В.Г. Белинский называет повести «побасенками», которые могут «задать лихую высыпку», говорит об их скучности и примитивности, видит в них только развлекательную функцию [Белинский 1953: 138]; Ф.В. Булгарин не видит в повестях идеи и называет А.С. Пушкина подражателем, повести - «анекдотцами» [Северная пчела 1831: 4]; Н.А.

Полевой – «фарсами, затянутыми в корсет простоты» [Московский телеграф 1831: 137].

Принципиальное отличие позиции Сенковского от вышеперечисленных мнений заключалось в том, что он видел в «Повестях Белкина» не «осень творчества» великого русского писателя, а новый этап его художественных исканий. В этом, как показало время, он был абсолютно прав. Н.К. Гей в одной из своих монографий, говоря о том, что в 1830-е годы А.С.Пушкин переживал новый этап творческой эволюции, отметил следующие особенности прозы писателя: «Многообразие характеров, простота изложения, целенаправленная многозначность текста, открытая в многозначность жизни, пластичность слова и онтологическая всеохватность - постижение в бесконечно малом бесконечно больших содержательных потенциалов» [Гей 2008: 44].

Однако само понимание нового этапа в творческом развитии Пушкина у Сенковского весьма специфично и отлично от приведенного выше мнения авторитетного пушкиноведа. Ему кажется, что А.С.Пушкин встал на путь создания максимально простой, развлекательной, массовой литературы, то есть тот путь, который был близок самому редактору «Библиотеки для чтения». Именно поэтому Сенковский вполне осознанно стремится максимально сблизить самого писателя и его персонажа – И.П. Белкина. Суть данной позиции наиболее полно помогает понять его переписка. В феврале 1834 года О.И. Сенковский пишет А.С. Пушкину письмо по поводу вышедших в свет двух глав «Пиковой дамы». В нем он не только восторженно отзывается о новой пушкинской повести, но и рассуждает о путях развития прозы в целом.

В самом начале письма мы читаем: «Вот, по крайней мере, язык вполне обработанный, язык, на каком говорят и могут говорить благовоспитанные люди. Никто лучше меня не чувствует, каких основ недостает нам, чтобы создать хорошую литературу, а главнейшая из них, жизненная, без которой нет настоящей национальной литературы, основа, которой совершенно не существует в нашей прозе, - это язык хорошего общества» [Переписка Пушкина 1982]. Как видим, автор письма, в первую очередь, отмечает в прозе А.С. Пушкина формирование нового литературного языка, предельно естественного, разговорного, который, однако, не является

стилизацией грубого простонародного языка кухарок, «горничных и приказных», но вполне приемлем и даже желателен для использования в кругу людей из высших слоев общества. По мысли Сенковского, надо «разгадать» русский язык, нужно писать на нем, привлекать к нему симпатии читателей, чтобы даже благородные дамы, говорящие только на французском, приняли его. Создателя такого языка О.И. Сенковский видит в А.С. Пушкине: «... и слава эта, вижу ясно, уготована вам, вам одному, вашему вкусу и прекрасному таланту» [Переписка Пушкина 1982].

Далее О.И. Сенковский говорит, что никто не чувствует в такой степени, как он сам, потребности в выработке нового русского литературного языка, глубоко национального и предназначенного стать общеупотребительным, стать «языком хорошего общества» [Переписка Пушкина 1982]. В деле широкого распространения нового языка первостепенную роль должна играть русская проза, которая пока, к сожалению, остается далекой от живых истоков русской речи, а потому не национальна. О.И. Сенковский заявляет: «...повторяю вам, - вы положили начало новой прозе, - можете в этом не сомневаться» [Переписка Пушкина 1982]. Данная мысль неоднократно повторяется на протяжении всего письма. Но его автор не ограничивается только уровнем литературного языка. По сути, редактор «Библиотеки для чтения» говорит о необходимости создания массовой, понятной самому широкому, в том числе и неискушенному читателю, литературы.

Таким образом, Сенковский заявляет, что видит в А.С. Пушкине своего союзника. Однако, по-видимому, он и сам чувствует, что зашел слишком далеко. Не случайно в конце письма мы видим приписку: «Если это письмо вам не понравится или если оно покажется вам странным - скажите, что его писал старый кувшин {Здесь - непереводимая игра слов: *la guche* по-французски означает “кувшин” и “дурень”, “олух”}» [Переписка Пушкина 1982]. Таким образом, Сенковский не столько утверждает факт близости своей и пушкинской позиции, сколько прямо и недвусмысленно приглашает Пушкина в свой стан, вербует его в свои союзники, выдавая желаемое за действительное.

В свете вышеизложенного повести, опубликованные Сенковским за подписью «А. Белкин» можно воспринимать как попытку

вовлечь Пушкина в процесс создания развлекательной литературы. Рассмотрим данную проблему на материале сравнения пушкинских произведений и «Потерянной для света повести» - первой, опубликованной Сенковским под псевдонимом «А. Белкин».

Преследуя свою цель, издатель «Библиотеки для чтения» использует элемент мистификации: очевидно, была вероятность того, что в сознании неискушенного читателя И.П. Белкин, издатель А.П., реальный А.С. Пушкин сольются воедино. Читатель подготовленный, конечно, поймет, что к повестям, опубликованным на страницах журнала Сенковского, Пушкин не имеет никакого отношения. Но и в этом случае псевдоним служил легким намеком на то, что Пушкин так или иначе причастен к деятельности Сенковского по созданию «легкой» литературы, или сочувствует ей.

Для мистифицирования читателя Сенковский воспользовался текстом пушкинского произведения. В упоминавшемся выше письме ненарадковского помещика, соседа покойного Белкина, читаем следующее: «Кроме повестей, о которых в письме вашем упоминать изволите, Иван Петрович оставил множество рукописей, которые частью у меня находятся, частью употреблены его ключницею на разные домашние потребности. Таким образом прошлою зимою все окна из флигеля заклеены были первою частию романа, которого он не кончил. Вышеупомянутые повести были, кажется, первым его опытом» [Пушкин 1978: 56]. Таким образом, в письме сообщается, что какая-то часть рукописей Ивана Петровича осталась неопубликованной, а часть – разрознена и утрачена. Название «Потерянная для света повесть», таким образом, в купе с псевдонимом «А. Белкин» содержит в себе легкий намек на то, что так и оставшийся неизвестным товарищам Галактиона Андреича «случай из провиантской части» вполне мог оказаться и частью утраченных рукописей И.П. Белкина.

Н.В. Назарова в своей диссертационной работе утверждает, что «при более детальном рассмотрении оказывается, что между “Повестями Белкина” А.С.Пушкина и “Потерянной для света повестью” О. И. Сенковского не находится каких-либо сюжетных или стилевых пересечений; кроме того, осталась непроясненной и ее потенциальная пародийная функция» [Назарова 2010].

Мы не вполне разделяем данную точку зрения. На наш взгляд между «Потерянной для света повестью» и «Повестями Белкина», в частности, «Гробовщиком» есть некоторые пересечения.

Попробуем их обозначить, сопоставив оба произведения. В первых, можно увидеть следующие фабульные пересечения: точно так же, как и в повести О.И. Сенковского, в «Гробовщике» А.С. Пушкина собирается компания не приятелей, конечно, (хотя будочник Юрко хорошо был знаком с сапожником Шульцем) но соседей; они распивают напитки в честь серебряной свадьбы Готлиба Шульца и его жены Луизы. В повести О.И. Сенковского приятели собираются на пикник и выпивают, беседуют, спорят, всё это сопровождается длинным описанием разных яств и напитков. Как помним, в повести «Гробовщик» после третьей откупоренной бутылки полушампанского молчаливый, как и Галактион Андреич, Адриан Прохоров разговорился, развеселился и начал предлагать шуточные тосты; обиженный будочником Адриан, как и Галактион Андреич, убегает из компании.

Обе повести начинаются с бытописания, причем без развернутой экспозиции. События разворачиваются сразу, сходу: «Последние пожитки гробовщика Адриана Прохорова были взвалены на похоронные дроги, и тощая пара в четвертый раз потащилась с Басманной на Никитскую, куда гробовщик переселялся всем своим домом» [Пушкин 1978: 61]. Мы не знаем, почему Адриан Прохоров решил переехать, что предшествовало данному событию, почему повесть начинается с четвертого перевоза вещей, почему нет описания первых трёх, где в данный момент находятся члены его семьи? То же самое видим и у О.И. Сенковского: «Наконец, положено было собраться к Якову Петровичу, который жил в Болотной улице - что между Пустой и Безымянной - и оттуда уже всем вместе идти к omnibusам» [Библиотека для чтения 1835: 132]. Повествование будто бы вырвано из середины какого-то полноценного текста, а точнее – из непрерывного потока обыденной жизни.

Трудно не заметить и некоторые детальные пересечения – например, курьёзные тосты, которые произносятся в повестях. У А.С. Пушкина читаем: «Что же, пей, батюшка за здоровье своих мертвецов» [Пушкин 1978: 84] .

В повести О.И.Сенковского друзья обмениваются еще более странными тостами:

« - Я, - сказал Илья Никифорыч, - если и выпью, так разве на поросенка: боюсь, чтоб не забурчало в животе.

- А мне непременно должно запить сига, - подхватил Лука Лукич, принимая бутылку.

- Я, - сказал Иван Никитич, - выпью от жару: нынче мне что-то так душно!

- Я тоже выпью стаканчик, - сказал Максим Козмич, - у меня целый день как мороз по коже.

- Так выпить и мне! - молвил Галактион Андреич, - действительно, погода такая странная - не знаешь, что делать!

- И я за вами, - сказал Яков Петрович с свойственным ему достоинством и лаконизмом.

- Что греха таить! - сказал, наконец, историк этой попойки, - признаться вам, я выпью потому, что люблю выпить» [Библиотека для чтения 1835: 140].

Мы знаем, что во время тостов произносятся самые лучшие пожелания, адресованные кому-либо, в них отражается отношение к человеку, в честь которого поднимается тост, степень уважения к нему. Тосты представляют собой, как правило, короткие, но ёмкие по содержанию изречения. Если у А.С. Пушкина мы хотя бы в начале видим, как Готтлиб Шульц пьет за свою жену, за своих гостей, то тосты приятелей у О.И. Сенковского сразу доведены до абсурда.

Можно отметить и стилевые пересечения, например, обращение к читателю у О.И. Сенковского: «Покорнейше прошу упомянуть, сочиня историю русской литературы, что повестей и былей собственно у нас одною меньше» [Библиотека для чтения 1835: 180]. У А.С. Пушкина: «Просвещенный читатель ведает, что Шекспир и Вальтер Скотт оба представили своих гробокопателей людьми весёлыми и шутивными, дабы противоположностью поразить наше воображение» [Пушкин 1978: 81-82], гиперболизация по сути мелких событий, которая у А.С. Пушкина доходит даже до фантастики в момент, когда Адриану снится сон. В связи с этим обращает на себя внимание описание пирующих приятелей у О.И. Сенковского: «Говядина и петух сменили голую кость окорока, и мы напали на

них с таким же плотоядным ожесточением: живо ходили ножи и челюсти, погребальная тишина господствовала в сосновой роще, мертво было молчание присутствующих» [«Библиотека для чтения» 1835: 137]. Невольно возникают ассоциации с пушкинской повестью, с моментом, когда к Андрияну Прохорову во сне на носовое село приходят в гости мертвецы.

В конце концов, сюжет повести О.И. Сенковского так же анекдотичен, как и сюжет «Гробовщика». Однако именно здесь обнаруживается глубинное различие. В повести Сенковского рассказан просто анекдот, смешной в силу бессмысленности происходящего. У Пушкина за внешней простотой и анекдотичностью скрывается глубинный пласт сюжета, полный глубокого философского смысла. Сошлемся на В.И. Тюпу, заметившего: «Сквозь явную анекдотичность сюжетов “Гробовщика” и “Барышни-крестьянки” отчетливо проступает притчевая символика (актуализируемая эпиграфами этих повестей)» [Тюпа 1999]. Уже эпиграф, открывающий повествование («Не зрим ли каждый день гробов, / Седин дряхлеющей вселенной»), взятый из стихотворения Г.Р.Державина «Водопад», настраивает читателя на грустный, трагический лад. Внешне он вроде бы противоречит содержанию повести, ведь никто из персонажей в ней не умирает, но, с другой стороны, Адриан Прохоров, действительно, «зрит» гробы каждый день, его профессия (бытовое вроде бы обстоятельство) буквально ставит его на границу между жизнью и смертью, придает его повседневным занятиям экзистенциальный смысл. Притчевость, как утверждает С.Г.Бочаров, обнаруживается ещё и в другом: «...сон подействовал на Адриана Прохорова. Проснувшись и поняв, что ничего страшного не случилось, он уже не злится на соседа сапожника, он весел и бодр. Совершенный пустяк, “нуль”, пьяный сон повлиял на жизнь этого человека» [Бочаров 1985: 43].

У О.И. Сенковского мы не видим этой притчевости, он, наоборот, экспериментируя с жанром, нагружает повесть максимально возможной степенью анекдотичности. Если говорить о жанре, то «Потерянная для света повесть» являет собой фельетон, своеобразие которого заключается в стилизации грамотной речи петербургского служащего, на самом деле не столь образованного. В работе В. Фомичёвой встречаем: «Стилизация дотошна до мелочей:

вплоть до того, что главки в повествовании обозначены как “параграфы” (о чём свидетельствует и соответствующий значок в начале каждой из главок) с характерным для “параграфов” содержанием: “1. О том, как мы отправились отдыхать в Паргалово”, “2. О том, как мы обедали в Паргалове” и т.д.» [Фомичева 2001: 45]. Рассказчик приводит расчет съеденной кулебяки в виде диаграммы. В тексте приводится таблица обнаружившегося в ходе прений расхождения мнений о том, что следует пить товарищам – грог или пунш:

«В пользу грога

Лука Лукич

Яков Петрович

Галактион Андреич

Я».

В пользу пунша

Илья Никифорович

Максим Козмич

Иван Никитич

Все эти приемы, с одной стороны, привлекают внимание читателя, но с другой стороны, снижают и без того невысокий уровень серьезности повествования, предлагая читателю заняться высчитыванием величины сектора съеденной части кулебяки, подсчетом голосов «за» и «против» пунша, тем самым превращая чтение из интеллектуального труда (как у Пушкина) в легкое и приятное развлечение.

Обратимся к образу рассказчика повести. Перед нами чиновник А. Белкин - человек, по своим духовным качествам и умственным способностям находящийся весьма не на высоком уровне, его восприятие жизни максимально обытовлено. Поэтому в своем повествовании он ограничивается фиксированием предметов, ему близких и понятных: еды и напитков. Он тщательно фиксирует все пункты, по которым между товарищами возникают споры, но это абсолютные пустяки. Таков спор о том, в каком виде пить ром: «Некоторые утверждали, что в хороших компаниях грог теперь гораздо больше в употреблении, чем пунш, и что эта мода основывается на весьма логическом начале: горячую воду с чаем можно пить отдельно и ром с горячею водою отдельно; таким образом, ни чай, ни ром не уничтожают друг друга и совокупно содействуют успехам просвещения» [Библиотека для чтения 1835: 144]. Однако в конце повести возникает сомнение, настолько ли рассказчик обычен и прост? Читаем: «...клянусь, я имел твердое намерение напе-

чатать этот любопытный случай по провиантской части: ведь таким образом пишутся почти все повести для нашей словесности - повторяя, без всяких усилий своего воображения, первый слышанный где-нибудь анекдотик! Будь только рассказ Галактиона Андрича такого свойства, чтоб можно было его упомянуть - вы бы имели одну "оригинальную" повестью больше, и я был бы один лишний оригинальный сочинитель» [Библиотека для чтения 1835: 180]. Здесь считывается явная отсылка к образу И.П. Белкина, который, как известно, не имеет развитого воображения и не добавляет в рассказы других особ собственного вымысла. Здесь мы уже видим не того А. Белкина, который сидит в компании малоразвитых служащих, но остроумного, пытающегося кольнуть современников, «сочинителя». Упоминание слова «анекдотик» отсылает нас к отклику Ф.В. Булгарина на «Повести покойного И.П. Белкина»: «Прочел в один вечер, и не нашел ни чуда, ни совершенства, ни *chef-d'oeuvre*, но несколько анекдотцев (из коих некоторые давно известны) рассказанных весьма приятно, языком правильным и во многих местах чрезвычайно живым» [Северная пчела 1831: 4].

Для А.С. Пушкина отсутствие воображения у И.П. Белкина было принципиально важным моментом, он стремился передать течение жизни в формах самой жизни. О.И. Сенковский принимает пушкинского И.П. Белкина только на том уровне, где он прост, понятен, юмористичен, то есть такой, каким он представлен в письме ненарадовского помещика. Но в самих повестях Сенковский почувствовал присутствие иного взгляда на жизнь, который его не устраивает. Его, по-видимому, раздражает *такой* И.П. Белкин, поэтому он пытается как бы поправить Пушкина, создать своего Белкина.

В.Фомичёва справедливо указывает на характер повествования в повести О.И. Сенковского и сложную цепочку, через которую редактор «Библиотеки для чтения» заводит диалог с пушкинским И.П. Белкиным: «Реалистические черты "Повестей Белкина" для Сенковского были, тем не менее, не приемлемы. И потому он в "Повести, потерянной для света" разыгрывает довольно сложную пьесу (пьесу для себя, так как к читателю своего журнала он относился свысока, хорошо понимая его неосведомлённость)» [Фомичева 2001: 52].

Не удивительно, что О.И. Сенковский не принимает реалистических черт пушкинских повестей, многие герои редактора «Библиотеки для чтения» - это герои романтические. Так, например, в «Потерянной для света повести» Галактион Андреич с его нелепым рассказом, несмотря на всю юмористичность описываемых событий, остаётся для читателя загадкой – что является одной из черт героев романтического типа, хотя в данном случае он повернут к читателю своей анекдотической ипостасью. А.С. Пушкин же во всех своих произведениях пытается порвать с романтическим методом, вскрывая за литературными клише подлинный смысл каждого события. Так, например, в повести «Выстрел» перед нами возникает образ жаждущего мести человека, окруженного тайной, которая и состоит в том, что Сильвио всю свою жизнь посвящает идеи мести, учится стрелять из пистолета, может убить даже муху. В итоге, сюжет, который придумал себе Сильвио, развязан, его «обидчик» отомщен. Но в процессе переживания героем собственной драмы меняется понимание жизни, целеполагание: «Сказывают, что Сильвио, во время возмущения Александра Ипсиланти, предводительствовал отрядом этеристов и был убит в сражении под Скулянами» [Пушкин 1978: 69]. Как известно, сражение под Скулянами проходило в рукопашную, получается, что весь труд жизни Сильвио не пригодился ему в самом главном его поединке – битве за чужую свободу. На это указывает А. Архангельский: «Пуля, которую он всадил в идилическую “швейцарскую” картину, оказалась “метафизически последней”» [Архангельский 1998: 202]. Так же не по привычным шаблонам развиваются сюжеты повестей «Метель», «Барышня-крестьянка» и «Станционный смотритель».

Примечательно, что в 1835 году, после выхода в свет «Потерянной для света повести» О.И. Сенковского А.С.Пушкин пишет в письме к П.А. Плетнёву: «Радуюсь, что Сенковский промышляет именем Белкина; но нельзя ль (разумеется из-за угла и тихонько, например в М.<о-сковском> Набл.<юдателе>) объявить, что настоящий Белкин умер и не принимает на свою долю грехов своего омонима? Это бы, право, было не худо» [Пушкин 1979: 430]. Таким образом, назвав А. Белкина омонимом, Пушкин недвусмысленно дает понять, что Сенковский совсем не понял его замысла. А.С. Пушкин вынужден объясниться и с М.П. Погодиным: «Сей час по-

лучил я последнюю книжку Библиотеки д<ля>Ч<тения>, и увидел там какую-то повесть с подписью Белкин — и встретил Ваше имя. Как я читать ее не буду, то спешу Вам объявить, что этот Белкин не мой Белкин и что за его нелепость я не отвечаю» [Пушкин 1979: 413].

Итак, А.С. Пушкин, называет повести О.И. Сенковского нелепостью. И действительно, белкинская простота у Пушкина мнима. Повествовательная структура в его повестях очень сложна, обусловлена наличием множества повествователей и рассказчиков разного уровня (некий издатель публикует записки И.П.Белкина, принесенные его соседом, представляющие собой фиксацию историй, которые И.П. Белкину сообщили конкретные рассказчики, при этом внутри каждой повести обнаруживаются и своего рода «перворассказчики», такие, как Сильвио и граф, поведавшие подполковнику И.Л.П. начало и конец истории о выстреле). Мы видим и постоянное перемещение авторского пера из рук И.П. Белкина в руки Издателя А.П. и самого А.С. Пушкина. На это указывают множество примечаний, переводы с французского, английского, немецкого, итальянского языков, которых И.П. Белкин знать не мог, а следовательно, не мог и записать их в точности с устного слова. Весь цикл обрамляется словом А.С. Пушкина: «Повести покойного Ивана Петровича Белкина» - «Конец повестям Белкина». Не мог И.П. Белкин знать произведений, из которых взяты эпиграфы к каждой повести и предисловию «От издателя». Непосредственно в самих повестях мы видим своеобразные стилевые вставки, принадлежащие совсем не И.П. Белкину. Так, в повести «Метель» читаем: «Марья Гавриловна была воспитана на французских романах и, следовательно, была влюблена» [Пушкин 1978: 70], здесь слышна ирония рассказчика, которой у И.П. Белкина не может быть, он не читал французских романов, не знает тех любовных перипетий, которые в них описываются, поэтому слово «следовательно» - сигнал внимательному читателю о том, что здесь имеет место и другой рассказчик, более грамотный и, если можно так выразиться, более сведущий.

Вероятно, О.И. Сенковский понимает образ такого рассказчика как литературную маску самого А.С. Пушкина, но не как полноценный и многослойный художественный образ. Своей первой по-

вестью он недвусмысленно стремится заместить пушкинского И.П.Белкина своим, предлагая читателю целиком сосредоточиться только на содержании необычных историях об обычных людях. Фабульно, через детали и легкие сближения стилевого плана отсылая читателя к пушкинскому «Гробовщику», Сенковский в то же время предлагает иное понимание прозаического повествования: лишает его сложного философского и психологического смысла, максимально упростив образ повествователя – А. Белкина.

Литература

Архангельский А.Н. Герои Пушкина. Очерки литературной характеристики. М.: Высшая школа, 1998. – 257 с.

Белинский В.Г. Полное собрание сочинений: В 13 томах. Том 1. М.:Изд-во АН СССР Институт русской литературы (Пушкинский дом), 1953. – 573 с.

Белинский В.Г. Полное собрание сочинений: В 13 томах. Том 7. М.:Изд-во АН СССР Институт русской литературы (Пушкинский дом), 1953. – 739 с.

Библиотека для чтения, 1835, Т. 10. С. 134 – 183.

Бочаров С.Г. О смысле «Гробовщика» // Бочаров С.Г. О художественных мирах. - М.: «Сов. Россия», 1985. - С.35-68.

Гей Н.К. Пушкин-прозаик. Жизнь-творчество-произведение. - М.: Наука, 2008. - 486 с.

Назарова Н.В. ЛЖЕ-БЕЛКИН И ПСЕВДО-СЕНКОВСКИЙ: об истинном авторе повести «Турецкая цыганка» и одном эпизоде из отношений Сенковского с Пушкиным в 1835 году. // URL: http://www.ruthenia.ru/Push_Chten5/Nazarova.pdf (дата обращения: 8.10.2016).

Назарова Н.В. Литературная позиция О.И. Сенковского в 1830-х гг. На материале повестей, подписанных псевдонимом А. Белкин: автореферат...дис... канд.филол. наук. - М., 2010.- 26 с.

Переписка А. С. Пушкина: В 2 т. / Ред. коллегия: В. Э. Вацуро и др.; Сост. и коммент. В. Э. Вацуро, М. И. Гиллельсона, И. Б. Мушиной, М. А. Турьян. — М.: Худож. лит., 1982. //URL:http://az.lib.ru/s/senkowskij_o_i/text_1834_pismo_k_pushkinu.shtml .

Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: В 10 т. - Т. 6. - Л.: Наука. 1979. - 575 с.

Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: В 10 т. - Т. 10. Л.: Наука. 1979. - 711 с.

Северная пчела, 1831, № 286, 16 декабря.

Тюпа В.И. Двужычие в «Повестях Белкина»: анекдот и притча. Гуманитарные науки в Сибири. - Новосибирск, 1999, № 4 // URL: <http://www.durov.com/literature2/tyupa-99.htm> (дата обращения: 30.09.2016)

Фомичева Варвара. Театральность в творчестве О.И.Сенковского. Диссертация на соискание учёной степени доктора философии. – Ювяскюля, 2001. – 126 с.

© Попова М.Ю., 2017

Потапенко К. М. (Екатеринбург, УрГПУ)

Мотивная структура в сборнике публицистики И.Г. Эренбурга «Война» (1941-1945)

Аннотация: Исследование посвящено мотивной структуре сборника публицистики Эренбурга «Война» (1941 – 1945). Мотив рассматривается как один из элементов художественного единства этого сборника. Выделены основные мотивы, которые играют важную роль в создании образов, это мотивы звериности и театральности. Прослеживается движение этих мотивов, прослеживается сюжет, в который складываются основные мотивы сборника. Сообщается о значении для всего сборника мотивов и их динамики. В статье рассматривается, как проявляется образ автора в раскрытии мотивов.

Ключевые слова: военная публицистика, И.Г. Эренбург, памфлет, мотив, звериный мотив, мотив театральности, мотивная структура.

Potapenko K. M. (Yekaterinburg, USPU)

Motive structure in digest of publicism of I.G.Ehrenburg «War» (1941-1945)

Annotation: The research is devoted to motive structure of Ehrenburg's digest of publicism «War» (1941-1945). Motive is being consid-